

ВВЕДЕНИЕ

События, связанные с процессами социальной трансформации, остро ставят вопрос об утверждении нового стиля научно-теоретической деятельности, идущего не от умозрительного абстрагирования и схоластических спекуляций, а от жизни и связи с жизнью. Обострилась проблема единства культур, ранее культура не делилась на молодежную и взрослую, пели одни песни, одинаково танцевали и одевались, теперь у различных поколений появились серьезные отличия в ценностных ориентациях, моде, способах коммуникации и стиле жизни. Стремительное ускорение и обновление являются ведущими характеристиками современной жизни постиндустриальных обществ, делает их чрезвычайно динамичными системами, стимулируя радикальные изменения социальных связей и форм человеческих коммуникаций. Конструирование новых форм времени и социальных пространств активно вторгаются в процессы социальных изменений, требуя не только научного анализа, но и принятия конкретных решений, связанных с совершенствованием социальных институтов, выработкой динамизма стиля жизни, нормы взаимодействия культур.

Социологическая интерпретация фундаментальных общенаучных категорий время и пространство приобретает сегодня практический смысл, а в силу этого неизбежно политизируется. С одной стороны, А. Печчеи, Д. Белл, А. Тоффлер, М. А. Чешков, Н. Ф. Наумова, А. Вебер, С. Brown, Р. Martin, Г. Г. Чибриков, Ю. М. Федоров с различных, по ряду частных (и не только частных) аспектов, позиций, формулируют концепцию модернизации. В ней описывается тренд фундаментальных изменений, преобразовывающих все стороны жизни общества, все его структуры и институты. Время - ключевой параметр этого проекта. На смену обществам архаичным, традиционным, аграрным (характеристики используются разные) приходят общества индустриальные, а затем постиндустриальные. Мир организован по оси линейного времени; можно отстать в развитии, но нельзя сменить его парадигму, выбрать себе какую-то иную версию будущего. Крайняя версия проекта модернизации, вестернизация, просто указывает на практики стран Запада как образец, которому должно следовать все человечество. Этому проекту присущ оптимизм, вера в прогресс - и игнорирование трудностей, с которыми прогресс сталкивается, в конечном счете, часто приводящее к явному или неявному согласию с тезисом "цель оправдывает средства".

С другой стороны, Л. Гумилев, И. Валлерстейн, А. Д. Богатуров, В. Barber, Р. De Senarclens, В. Cassen, I. Ramonet, А. С. Панарин, В. И. Максименко, М. Вольф, М. Делягин, Д. Горностаев, (а много ранее, за столетие до того, как было произнесено слово "глобализация", Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер), утверждают, что за проектом модернизации скрывается политика лидеров богатейших стран, или транснациональных корпораций, направленная на эксплуатацию периферии, а глобализация - фикция, идеологический конструкт, созданный лишь затем, чтобы маскировать действительные цели мировой гегемонии Запада.

Формообразующим здесь выступает не понятие времени, а понятие пространства, с помощью которого описываются не диахронные, а синхронные различия культур. Н. Я. Данилевский утверждал, что человечество как целое не существует, есть лишь отвлечение от идеи прав личности. С позиций признания субъектами социальной жизни этносов, как у Л. Гумилева, или обоснования права на существование неповторимых национальных культур, отвергаются процессы универсализации, "макдональдизации". Однополярному миру противопоставляется многополярный, линейной стреле времени - сложно организованное, многомерное пространство.

И та, и другая позиция, как всякие крайности, легко уязвимы для критики, и в отношении теоретических основ, и в отношении фактов, которые услужливо готовы подтвердить правоту (и ложность) обеих. М. Вебер в своей лекции зимой 1918 года в Мюнхенском университете утверждал, что обращение к научной теории не избавляет нас от выбора мировоззренческой позиции; профессора - учителя, а не вожди. Но в данном случае и моральный выбор оказывается предельно сложным. Вряд ли сравнительный подсчет жертв бомбардировок Югославии и войны в Ираке, с одной стороны, и числа людей, погибших от голода, болезней, политических репрессий и локальных войн под управлением "самостоятельных и независимых", "легитимных" режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки, поможет этот нравственный выбор сделать. Прогресс на самом деле оставляет за собой погибшие цивилизации, утраченные культурные ценности. Но и локализм, вера в самоценность каждой культуры, до сих пор лишь консервировали местную самобытность, пока она явно не превращалась в отсталость и нищету.

Инициировав в Афганистане модернизацию, СССР создавал там структуры, "потреблявшие будущее", в конечном счете способные стать организационной основой для смены цивилизационной идентичности - но вытесненные традиционные ценности накапливались, создавая анклав "абсолютного прошлого". С уходом СССР из Афганистана "подпитка будущим" прекратилась. Привнесенные извне социокультурные элементы подверглись уничтожению, "волна прошлого" захлестнула страну, не остановившись, конечно, на ее границах. Эта экспансия прошлого продолжалась, пока не столкнулась с новой модернизационной инициативой. Для России сегодня такое противостояние ценностей, "битва богов" по М. Веберу - вопрос не теоретического спора, а практического выбора. И, возможно, социологическое осмысление категорий пространства и времени может стать шагом на пути к тому, чтобы выбор это был разумным.

Социальное время уже получило фундаментальную философскую и научную интерпретацию в проблемных и семантических полях эволюции культуры, в то время как проблема выделения социального пространства сравнительно недавно стала предметом социологической рефлексии. И в наше время не перестала занимать умы и сердца вечная проблема времени, есть в ней животрепещущая связь с современностью, пространством жизни,

заставляющая по-новому подойти к столь же явному, сколь и таинственному явлению природы, человека и феномену общества и культуры. Что-то заставляет ученых, деятелей искусства вновь возвращаться к этой теме, возрождающейся, как птица Феникс, из пепла. Разумеется, это связано с научным поиском в области социологических и философских исследований, антропологизацией знания. В нашем лекционном курсе и мы попробуем раскрыть эти категории в контексте социальных изменений, исходя из пережитых впечатлений и полученных в течение десятков лет исследований и концептуальных убеждений.

Сегодня фактор времени и конструирование новых социальных пространств активно вторгаются в процессы социальных изменений, требуя не только научного анализа, но и принятия конкретных решений, связанных с совершенствованием общественных отношений, перестройкой мышления, выработкой новой психологии, утверждением динамизма стиля и образа жизни, нормы бытия. И в наше время не перестала занимать умы и сердца вечная проблема времени, есть в ней животрепещущая связь с современностью, пространством нашей жизни, заставляющая нас по-новому подойти к этому столь же явному, сколь и таинственному явлению природы, общества и феномену культуры. Что-то заставляет ученых, деятелей культуры вновь и вновь возвращаться к этой теме, возрождающейся, как птица Феникс, из пепла. Разумеется, это связано с перестройкой в области научных, социологических и философских исследований, общей антропологизацией знания. Попробуем ответить на этот вопрос, исходя из определенных пережитых впечатлений и полученных в течение нескольких десятков лет исследований и концептуальных убеждений.

Процессы неравенства заставляют социологов анализировать продуцированные ими социальные пространства, а события компьютеризации резко повышают социальную заинтересованность в эффективном использовании не только машинного времени, но и культивирования специфических особенностей социального, психологического, свободного времени человека. Актуальность проблемы социального пространства-времени диктуется также и практическими задачами совершенствования систем управления, развития прогнозирования. Наряду с общим вниманием со стороны самого широкого читателя, небезразличного к вопросам совершенствования общества, эта тема оказывается предметом все возрастающего интереса социологов, политологов, психологов, искусствоведов, испытывающих потребность в глубокой и разносторонней разработке теоретических концепций пространства и времени.

Самая крупная перестройка в области проблемы пространства и времени может быть начата, пожалуй, вопросом о том, что же такое полифония данных категорий - аллегория или реальность? Подготовка к ответу на этот вопрос имела уже в многочисленных отечественных и зарубежных работах, хотя предпосылки такого подхода можно увидеть и в

релятивистском понятии собственного времени, а ретроспективно - в идеях древней философии и истории культуры.

Современный уровень исследования категорий пространства и времени не ограничен техно- и естествознанием, скорее, эти универсальные понятия включаются в различные тексты культуры. Здесь они увязываются с социальным неравенством и социальным возрастом, предвидением, повседневной оценкой времени и политическим конструированием пространств, глобализацией социальных хронотопов. Актуально осознание ценности времени в структуре жизненного пути каждой личности, жизненного пространства этноса. Междисциплинарный характер проблемы привлекает множество ученых, исследующих ее в отдельных сферах знания и деятельности.

Упоминание о комплексном характере проблемы социального пространства и времени сейчас не вызывает особо бурных дискуссий: большинство исследователей согласны с тем, что эта проблема требует усилий различных специалистов. Вместе с тем известная расширенность научного сознания благоприятствует порою пониманию этой проблемы представителями конкретных наук как своей собственной, частной научной задачи, частной проблемы. Ее относят к физическому знанию, геологии, биологии, истории и политике, космологии и социологии. Правда, и в отдельных науках не всегда возможно достижение однозначности в интерпретации и познавательном дискурсе времени или пространства. Известно, например, что теоретические концепции времени неоднородны даже в своей специально-научной формулировке.

При переходе от понятий пространства и времени в естествознании к категориям времени в гуманитарном знании и социологии обнаруживается богатое содержание методологической, гносеологической и прогностической функций этих категорий, раскрытие темпоральной детерминации прогноза и соотношения субъективного времени и телесного пространства человека со свойствами перцептивной психики. Специальное методологическое значение обнаруживают понятия инверсии и специализации, то есть опространствования времени, как в аспекте частнонаучного знания, так и в общем механизме познания. Интересные сюжеты связаны в том числе с гносеологической и художественной инверсией времени.

Достаточно резкая дифференциация работ по пространству и времени, характерная для прошлого, в новейших исследованиях не всегда уступает место диалогу и взаимному обогащению концепций, отдельным авторам все еще хочется закрепить уходящее господство и абсолютный приоритет исключительно физических форм времени и геометризации пространства. Однако новыми нетрадиционными работами уже основательно подготовлена ситуация, совершенствующая сам стиль исследований, реабилитирующая мысль классических мыслителей прошлого и привлекающая новые идеи социологии и неклассической науки.

Актуальность осознания ценности времени в структуре жизненного пути, междисциплинарный характер проблемы привлекает ученых отдельных сфер

знания и не вызывает особо бурных дискуссий: большинство согласны с тем, что она требует усилий различных специалистов. Вместе с тем известная расширенность научного сознания благоприятствует порою пониманию этой проблемы представителями конкретных наук как исключительно своей собственной научной задачи, частной проблемы. Ее относят к физическому знанию, геологии, биологии, истории и политике, космологии и социологии. Правда, и в отдельных науках не всегда возможно достижение однозначности в интерпретации и социальном дискурсе времени или пространства, а в гуманитарном знании и социологии обнаруживается богатое содержание методологической, гносеологической и прогностической функций этих категорий, темпоральной детерминации прогноза. Новое значение обнаруживают понятия инверсии и спационализации, то есть *опространствования* времени.

Анализ времени и пространства различных сфер реальности сделал возможным раскрытие этих категорий средствами научного анализа в структуре отечественной социологии, философской онтологии, в гуманитарном, естественнонаучном и эстетическом знании. Это разнообразные по жанру работы С. Аверинцева, Я. Аскина, М. Ахундова, М. Барга, В.И. Вернадского, А. Я. Гуревича, О.Н. Ежова, А. М. Жарова, В. Канке, Ю. Качанова, Д. Лихачева, Ю. Молчанова, А. Мостепаненко, Г. Орлова, В. Печенкина, Н. Трубникова, А. Филиппова, Л. Штомпель, В. Яковлева, Л. Яковлева, В. Ярской.

Развитие исследовательских жанров применительно к социальному времени в отечественной науке вначале опережало изучение пространства, этой логике мы следуем в курсе. При этом первоначальным вопросом может стать, пожалуй, вопрос о том, что же такое полифония данных категорий - аллегория или реальность? Подготовка к ответу на этот вопрос имеется в многочисленных отечественных и зарубежных работах, хотя предпосылки такого подхода можно увидеть и в релятивистском понятии собственного времени, а ретроспективно - в идеях древней философии и истории культуры. Современный уровень исследования категорий пространства и времени не ограничен естествознанием, скорее, эти универсальные понятия включаются в различные тексты культуры. Здесь они увязываются с социальным неравенством и социальным возрастом, предвидением, повседневной оценкой времени и политическим конструированием пространств, глобализацией социальных хронотопов.

Расширяется пространство социального действия, но интенсифицируется содержание социальных практик и антропогенных процессов. Человечество переживает социальные и экологические катаклизмы, хотя многие процессы и события мировой истории порождаются в конечном счете социальным неравенством в глобальном и региональном масштабах. При этом вопросы объяснения социального пространства оказываются гораздо более сложными и менее разработанными, нежели анализ специфики социального времени.

Проблемным оказывается уже определение понятия. Термин "социальное пространство", особенно в контексте российской науки, нагружен

дополнительными смыслами, коннотативными значениями. Концепции П. Бурдьё именно потому были в России так легко восприняты, что в их понимание включались подходы, позволявшие, с кажущейся легкостью, адаптировать привычное, основанное на марксистских подходах, знание. Истолковывая социальное пространство как пространство социальных различий, оказывалось возможным плавно переходить к проблемам социального неравенства, интерпретируемого в качестве ключевого конструирующего общества фактора. Разумеется, смыслы, вкладываемые П. Бурдьё в используемое им понятие неизмеримо богаче; сводись они к интерпретациям неравенства, не было бы необходимости построения системы категорий, включающей понятия *habitus*, символический капитал. Уже у Э. Дюркгейма, одним из первых в науке использующего категорию пространство в анализе социальных феноменов, она наполняется глубоким социальным смыслом. Представления о пространстве конвенциональны, социальная организация - модель, копируемая в пространственной организации. Центральным является определение пространства как способа соединения социальных явлений. Таким образом, главное в категории - истолкование пространства как символического, представляющего собой каркас структуры социальных взаимодействий. Вместе с тем любое взаимодействие подразумевает различие его участников, следовательно, установление между ними различий, которые всегда могут быть интерпретированы как неравенства. Но общество существенно богаче, нежели модель, которую возможно описать оппозициями типа богатые-бедные, мужчины-женщины. И метафора пространства позволяет описать весь конгломерат отношений, действительно конфигурирующих общество. Использование метафоры пространства позволяет преодолеть демокритовский атомизм в описании социальной реальности. Как писал Р. Маккензи, пространственные структуры, создаваемые человеком в ходе преобразования природы, становятся основаниями социального, политического пространства. Сложность, однако, заключается именно в многомерности этого пространства игр людей. Управление социальными процессами на современном уровне их масштаба и сложности оказывается невозможным в масштабе региона, страны, а в ряде случаев, и цивилизации. Вводятся геоэкономический, геокультурный масштабы. Категории пространства и времени приобретают новый предметный смысл. Предлагаемая учебно-исследовательская программа концептуализации идеи времени включает, во-первых, безусловное осознание времени как феномена культуры, аккумулирующего в исторически определенных формах не только общую совокупность временных параметров и форм отдельных типов культуры, но и специфическое наполнение этих эпох. Во-вторых, она выражает взаимодействие социальной составляющей категории времени с преобразованием социальных практик и индивидуальной жизни человека, отображенной в жизненных стилях. В-третьих, она рассматривает время в эволюции научной картины мира и общей философской онтологии, ибо идея времени присутствует как понятие в различных блоках знания, что и

проявляется в качестве культурно-интегрирующей функции данной категории. Вполне логично появление работ, напрямую связывающих время и культуру: Ю. Г. Васильев, И. Т. Левая, Г.В. Петров, В. С. Поликаров, О.Д.Штомпель, В. Н. Ярская. В частности, определенный объем содержания посвящается раскрытию прогностических способностей категорий пространства и времени - непосредственно в прогностических свойствах времени и опосредовано в темпоральных характеристиках пространства прогностики.

Второй сюжет анализирует социальное конструирование нетипичности, риска, маргинальности, социального неравенства. В этом подразделе формируется представление о генезисе социальных проблем в широком смысле слова, отводится тематике риска важное место в структуре социологического дискурса пространства и времени. Подобрана для студентов современная литература, сформулированы проблемы, задачи и кейс-стади для самостоятельной работы, тесты, вопросы для повторения, перечень тем рефератов, эссе, позиции теории, уровень и стиль изложения текста приближен к академическому. Многим современным авторам не удалось отойти от традиционного представления о риске как понятии исключительно технологической и даже технократической семантики, в то же время дефиниция риска демонстрирует связь с неопределенностью, нелинейной динамикой. Риск выступает фактором социальной опасности, включающей технические, экономические, социальные и политические аспекты и возможности компромисса между уровнем безопасности и путями его достижения. Но и в техническом риске тоже есть социальный смысл.

Многие работы перегружены классификацией рисков, противоречат стремлению современного сообщества уделять внимание его социологическому анализу. Но при этом важно различать взаимосвязь риска в здоровье нации и в будущих социально-экономических потерях, индивидуальный и социальный риск, опасность для отдельного индивида и риск для группы, общества в целом. Недостатком современной теории социального пространства является ее слабая инструментальная связь с социальными практиками, генезисом социальных проблем. Речь идет о выявлении зон развития опасных техногенных процессов с оценкой экологического и социального риска, хотя социальным риском практически занимаются центры стратегических разработок, реформирования системы и стратегий социальной политики и социальной защиты населения. Идеология и механизмы социальной защиты населения в России остались практически без изменений, не снизили остроту социальных рисков, а зачастую способствовали их обострению. В результате темпы роста социальных обязательств государства стали опережать финансовые и ресурсные возможности их реализации и нормы национального законодательства.

Нельзя замалчивать и проблему страхования: страховая медицина, социальное страхование, страхование банковских рисков, фонд социального страхования, рейтинг страховых компаний, страхование гражданской ответственности - это новые институты смягчения или частичной

элиминации индивидуального и социального рисков. Важна система социального страхования профессиональных рисков, изменение схем тарификации не приведет к желаемым результатам. В практическом направлении говорят об инвестиционном риске в связи с экономической ситуацией России на мировом рынке и социальном риске в связи с уровнем социальной напряженности в обществе. За счет ухудшения инвестиционного риска у значительного числа средних, рядовых регионов возрастает социальный и политический риск.

Наблюдается в литературном и содержательном аспектах изучения проблем риска в пространстве аномии и социальных групп попытки представить пространства риска в поле социального неравенства. Там, где речь идет о среде, культурах и субкультурах, англицизм risks = риски советуем переводить как типы или виды рисков. Понятие риска вводится в тематизмах нашего подраздела, чтобы выяснить происхождение, структуру и классификацию социальных проблем. Здесь нельзя останавливаться на западном понимании рисков, упуская из вида смыслы риска в восточных культурах, примитивных культурах, иначе отсутствует социально-антропологическое видение проблемы. Можно говорить об исследовании риска в разных дисциплинах, но именно в тематике социального пространства и времени удобны определения риска, начиная со словарных статей и этимологии.

Становится ясным выбор такой последовательности, ведь логично начать с определения, затем раскрыть междисциплинарность проблемы, обосновать социологические смыслы проблемы и дальше вести речь только в социологическом ключе. Значительная часть текста выходит за рамки академического дискурса, посвящена обсуждению острых проблем современности, находящихся на грани риска для жизни человека. Таковым является терроризм.

Указанными соображениями диктуется структура разделов, тематизмы которых раскрывают последовательно культурную эволюцию категорий пространства и времени, их социальную и философскую семантику, художественный срез познания. Лишь затем авторы осуществляют обоснование междисциплинарности и инструментальности данных категорий в социологии, с учетом того, что в развитии отечественной научной мысли наблюдался достаточно длительный период экспликации понятий времени и пространства посредством языка физики.

Предлагаемая учебно-исследовательская программа концептуализации идеи времени включает, во-первых, безусловное осознание времени как феномена культуры, аккумулирующего в исторически определенных формах не только общую совокупность временных параметров и форм отдельных типов культуры, но и специфическое наполнение этих эпох. Во-вторых, она выражает взаимодействие социальной составляющей категории времени с преобразованием социальных практик и индивидуальной жизни человека, отображенной в жизненных стилях. В-третьих, она рассматривает время в эволюции научной картины мира и общей философской онтологии, ибо идея

времени присутствует как понятие в различных блоках знания, что и проявляется в качестве культурно-интегрирующей функции данной категории. В частности, определенный объем содержания посвящается раскрытию прогностических функций категорий пространства и времени: непосредственно - в прогностических свойствах времени, а опосредовано - в темпоральных характеристиках пространства прогностики.

Второй сюжет анализирует социальное конструирование нетипичности, риска, маргинальности, социального неравенства. В этом подразделе формируется представление о генезисе социальных проблем в структуре социологического дискурса пространства и времени. Подобрана для студентов современная литература, сформулированы проблемы, задачи и кейс-стади для самостоятельной работы, тесты, вопросы для повторения, перечень тематики, эссе, позиции теории, уровень и стиль изложения текста приближен к академическому. Недостатком современной теории социального пространства является ее слабая инструментальная связь с социальными практиками, генезисом социальных проблем, чем практически занимаются центры стратегических разработок, реформирования систем социальной политики и социальной защиты населения. Идеология и механизмы социальной защиты населения в России остались практически без изменений, не снизили остроту социальных рисков, а зачастую способствовали их обострению. В результате темпы роста социальных обязательств государства стали опережать финансовые и ресурсные возможности их реализации и нормы национального законодательства.

Можно говорить об исследовании риска в разных дисциплинах, но именно в тематике социального пространства и времени удобны определения риска, нельзя останавливаться на западном понимании рисков, упуская из вида смыслы риска в восточных культурах, примитивных культурах, то есть необходимо социально-антропологическое видение проблемы. Именно поэтому часть текста выходит за рамки чистого академизма, посвящена обсуждению острых проблем современности.

Авторы учебника настаивают на концептуальной и содержательной связи категорий социального пространства и времени с возникновением и развитием социальных проблем. В противном случае трудно понять и объяснить многие существенные социологические и социальные приложения этих категорий.

Расширяется пространство социального действия, интенсифицируется содержание социальных практик и антропогенных процессов.

Человечество переживает социальные и экологические катаклизмы, многие процессы и события мировой истории вызваны социальным неравенством в глобальном и региональном масштабах. Вопросы объяснения социального пространства и социального времени оказываются необходимыми для вскрытия социологической специфики этих категорий, их роли в социальных трансформациях.